

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 29-го Декабря 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11810.

ЗАКАТЬ.

Помнишь, Дося, какъ годъ тому назадъ ты протянула мнѣ руки и съ такимъ прелестнымъ смущеніемъ говорила:

"Мнѣ кажется, что я всегда любила только васъ; мечтала только о васъ. Когда вы уѣхали въ Петербургъ — я страдала. Все было темно и неинтересно. Я чувствовала, что изъ моей жизни ушло что-то очень хорошее и свѣтлое. Вѣдь, мнѣ такъ рѣдко приходилось знать счастье. Я пойду за вами всюду, если вы сами захотите этого!"

Какъ мнѣ было хорошо, Дося. Тогда я обнялъ тебя и поцѣльсвалъ какъ сестру, какъ лучшаго друга. Очевидно, мое сердце еще не устало вѣрить и надѣяться.

Потомъ я уѣзжалъ и прїѣзжалъ. Уѣзжалъ отъ твоихъ печальныхъ глазъ и прїѣзжалъ къ глазамъ радостнымъ и сияющимъ. Какой чудесной улыбкой ты встрѣчала меня!

Мы присматривались другъ къ другу. Тогда мнѣ исполнилось тридцать пять лѣтъ. Меня утомили долгіе годы холодной, одинокой жизни, утомили пустыя комнаты, фальшивая любовь отъ женщинъ и безалаберная любовь къ женщинамъ.

Иногда, вечеромъ, возвращаясь домой, я почти нѣрѣшительно входилъ въ мои молчаливые пустыя комнаты. Меня раздражалъ гулъ собственныхъ шаговъ и все, что попадалось на глаза въ кабинетѣ—столъ, диванъ съ брошенными на немъ журналомъ, книжный шкафъ,— все имѣло печать какой-то длинной застоявшейся то-

ски.
Тогда я бралъ въ руки твой портретъ, любовался твоимъ нѣжнымъ лицомъ и вотъ, въ моемъ мрачномъ кабинетѣ всходило маленькое солнце. Предъ моими глазами все вдругъ становилось мудрымъ, законченнымъ и прекраснымъ.

Я захотѣлъ, Дося, того, о чёмъ ты мнѣ говорила. Я захотѣлъ, чтобы ты пошла за мною повсюду. Одна мысль сдѣлала мою жизнь розовой и молодой.

Появились же,

Томскій университетъ.

(По поводу 25-лѣтія со дня открытия).

Жюль Кларети,

извѣстный французскій литераторъ-журналистъ, бывшій долго директоромъ «Comédie Française».

Скончался 10 декабря на 73 году.

Выпускъ офицеровъ авиационнаго отдѣла офицерской воздухоплавательной школы со званіемъ военного летчика, съ ген. Кованью во главѣ.

давно уже не было. Я даже, кажется, началь смыться.

Я мечталъ о томъ, какъ мы вмѣстѣ будемъ любоваться міромъ, будемъ радоваться и восторгаться. Вѣдь, міръ, Дося, такъ необыкненъ и такъ прекрасенъ. Его отраженіе въ зеркалѣ нашей души чудесно, если только эта душа ясна, спокойна, не надломлена. Я и ждалъ отъ тебя этой ясности, этого покоя.

Но понятно, что въ тридцать пять лѣтъ уже чѣмнога осторожнѣ, немного недѣрчивъ. Я прѣхалъ, я говориль съ тобой. Ты повторила мнѣ тѣ же очаровательныя слова, но я почувствовалъ въ нихъ какое то странное утомленіе.

Въ твоемъ голосѣ звучала неувѣренность, да и ты сама измѣнилась. Возможно, ты почувствовала, какъ блѣдно проходить жизнь, рѣшила быть болѣе доступной, болѣе грубои. Твои платья уже измѣнили свой прежній очаровательной скромности, ты уже не пренебрегала развлечениями, которая въ друже время тебѣ самой показались бы неинтересными и низменными.

А главное, неувѣренность твоихъ словъ.

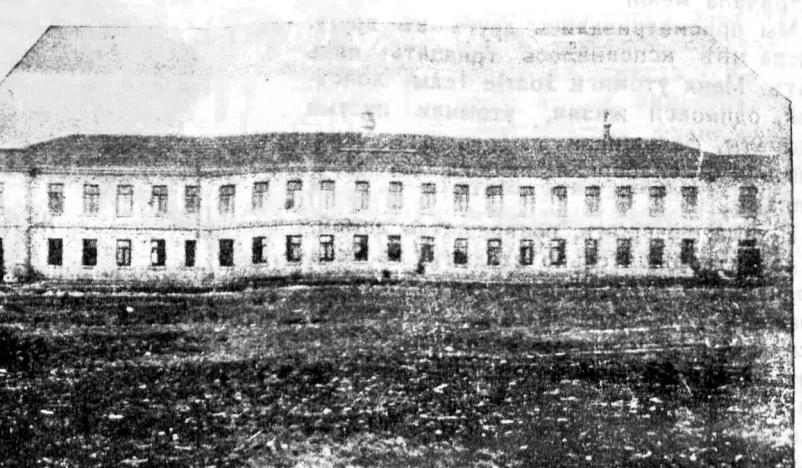
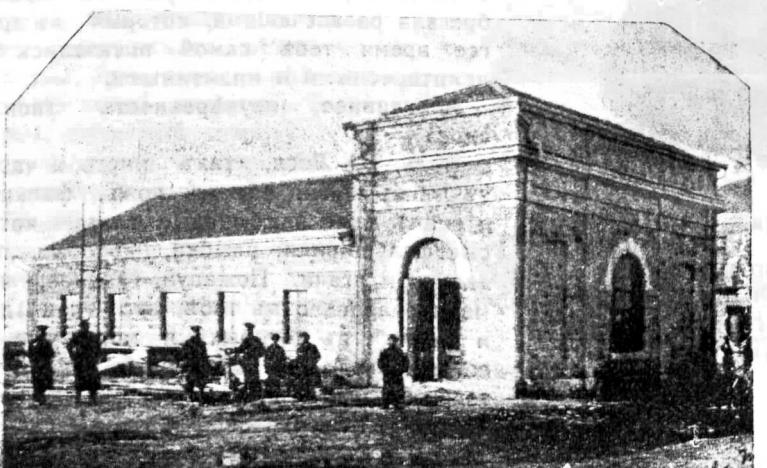
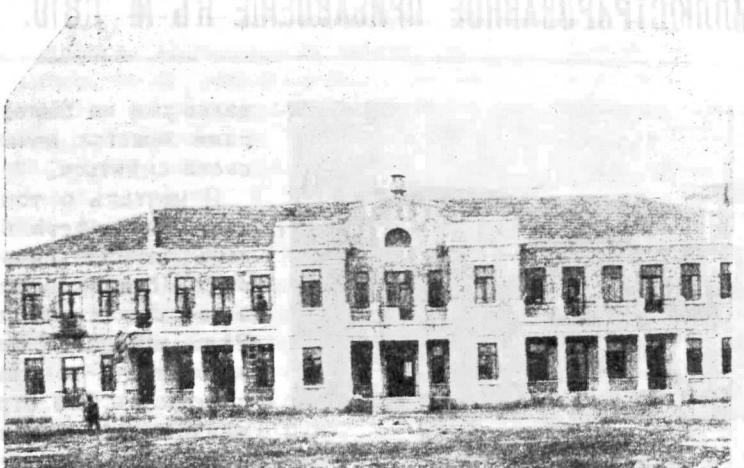
Вѣдь, я, Дося, такъ много и часто зналъ въ жизни обманъ. ложь, фальшь; я зналъ даже влюбленные глаза, которые фальшивили; улыбки, которая путались и лгали. Пожалуй, главное, что меня очаровало въ тебѣ, это твои „да“ и „чѣть“, въ которыхъ я могъ уже не сомнѣваться. Это одно было исключительнымъ даромъ.

И вотъ заколебались и твои „да“ и твои „нѣть“.

Понимаешь—
твои. Что же оставалось? Разрушалась самое главное.

Какая была этому причина? Я не спрашивалъ тебя. Возможно, что тебя оскорбило, что я не сразу пошелъ на встречу твоему чувству. Возможно, наконецъ, что тебѣ показался тяжелымъ мой рѣзкій, установившійся характеръ, или самая моя жизнь показалась слишкомъ беспокойной, неустойчивой. Не знаю. Вѣдь, иногда самая мечтательная девушка въ

Новые здания севастопольской авиационной школы въ Александро-Михайловском лагерѣ.

концъ концовъ стремится только къ уюту, къ тихому домашнему счастью.

Не знаю, но я уже не могъ сказать тебѣ рѣшительного слова. Я сѣлъ на скамью, мое лицо было покойнымъ, я не стѣрпѣлъ тебѣ бурю, которая раздирала мое сердце. Я уѣхалъ такъ же, какъ уѣжалъ раньше. Опять ничего опредѣленчаго. Опять только друзья,—безъ будущаго.

Однако, я жадно провѣрялъ свое впечатлѣніе. Я хотѣлъ ошибиться. Я хотѣлъ уѣхать, что лучше Дѣси у меня не можетъ быть жены и друга. Вмѣсто этого я уѣхдался въ обратномъ. Было ясно, что ты отошла въ сторону, что твоѣ чувство ко мнѣ было просто мечтой дѣвушки, которая столкнулась съ сильной, оригинальной личностью.

Я пересталъ писать тебѣ. Но странно,—я любилъ тебя, безумно любилъ.

Все стало инымъ, а прошлое только съ того дня, когда ты сказала: «Я всегда любила только вѣсть»...

тишиу тебѣ изъ Аѳинъ, гдѣ живу уже мѣсяцъ. Вѣроятно, не скоро, очень не скоро я вернусь на родину.

Дальше думаю пошататься по Средиземному морю. Погрѣюсь въ Алжирѣ или Египтѣ. Зиму проведу частью въ Иерусалимѣ, частью въ Иѣлѣ. Потомъ на островъ Яву. Тамъ все странно и интересно для нашихъ глазъ. Даже узоры рукодѣлія Явайскихъ женщинъ. Я много бродилъ въ прошлые годы, усталъ. Кажется, уженично неинтересуетъ,—просто, я стараюсь обмануть себя...

Такъ. Эту мою поѣздку, мою жизнь я называю закагомъ солнца.

Послѣднія вспышка молодости и послѣдний радужный обманъ похоронены вмѣстѣ съ тобой. Кто то позавидовалъ моему смѣху, и я уже не смѣюсь. Я, вѣдь, такъ вѣрилъ, что наша любовь кончится прекраснымъ, радостнымъ союзомъ.

Такъ. Закать солнца. Я прощаюсь съ моей милой землей, которую такъ любилъ.

Съ моимъ солнцемъ, морями, горами, съ тѣнистыми садами, съ старинными чудесными городами.

Они одни никогда не измѣняли, не фальшивили, не продавали. Не были мое бѣдное сердце.

Они одни были вѣрными любовницами и несомнѣнными святыми...

Не могу быть спокойнымъ. Не могу до конца писать это письмо безъ гнѣва, съ улыбкой взрослаго глупому ребенку. Довольно. Послѣднія слова должны быть до конца искренними.

Помнишь мое письмо?

Уѣзжая, я просилъ пріѣхать проститьсь со мной. Я думалъ поцѣловать еще разъ мой послѣдній и самый злой обманъ. Я уже ни на что не надѣялся, проститься хотѣлъ. Только,

Вспомни, что я писалъ:

«Мнѣ холодно, очень холодно. Я никакъ не могу согрѣться. Какое странное состояніе! У меня много любящихъ друзей. Я беру ихъ руки, пожимаю, за-

Германскія военная миссія, отправившаяся въ Константинополь съ ген. Сандерсомъ (х) во главѣ. Члены миссії являются инструкторами турецкой арміи.

А. Л. Гранинъ,
редакторъ николаевской «Трудовой Газеты».
(По поводу 30-лѣтія журналистской дѣятельности).

не ожидая, пока сини дико и нелѣпо будутъ формироватьсь въ вашей хаотической лаборатории.

Къ чорту! Если мой стонъ, мое отчаяніе, «холодно», не разбудили тебя, то къ чemu теперь всѣ слова? Я ихъ бросаю въ ту же холодную, тупую, черную яму. Пожрѣтъ и не родитъ отголоска. А, вѣдь, я писалъ дѣвушкѣ...

Дѣвушка. Благодарю! Корчусь отъ поклоновъ и признательности.

Я знаю болѣе чуткихъ каменоломовъ. Болѣе нѣжныхъ татаръ старьевщиковъ. Болѣе понятливыхъ грузчиковъ въ портахъ!

Мое сердце болитъ. Оно, вѣроятно, походитъ сейчасъ на какую-нибудь кургузую ногу послѣ операциіи. Но тише, тише...

Если я брошу тебѣ въ лицо этотъ кровавый обрубокъ,—едва ли вздрогнешь, едва ли осибенно смущишься.

Это пустяки, что вы, женщины, жмурите глаза, когда увидите у человека обрѣзанный палецъ. Хахаха! Горло перерѣзанное зато будете ворошить палкой!

Сестры милосердія! Вѣ?

Не могу понять, кто первый это выдумалъ. Какой идиотъ, какой сумасшедший могъ такъ нагло и подло солгать!

Но тише, тише...

Ты еще подумаешь, что я совсѣмъ заболѣтель отъ любви, что на всей землѣ, во всемъ мірѣ ты единій центръ?

О, нѣтъ! Есть очень много болѣе серьезныхъ вещей.

Поданныя во время свинья котлеты, вечерній кофе со взбитыми сливками, Аѳинскій Партенонъ, золотисто-коричневая Алтерія, Александрия, пирамиды, томъ стиковъ, моя мысль, Аравія, Калькутта, Ява, малахитовый океанъ!

А можетъ быть, я лгу? Можетъ быть, я отдалъ бы всю эту землю, и это солнце, всѣхъ похороненныхъ и живущихъ боговъ за одну маленькую любовь,—одну любовь, имя которой ворочается въ моемъ сердцѣ, какъ клинокъ кинжала...

«Маленькая любовь»,—какъ это тебѣ нравится? Давай вмѣстѣ похочечь!

И все таки мнѣ по прежнему холодно. Какъ страшно холодно! За это время я посѣрѣлъ, какъ камень; сжался и похолодѣлъ, какъ камень.

Грѣть солнце, зенитъ людская рѣчь; суетится, шумитъ, сверкаетъ великолѣпная, безконечная жизнь, а я лежу неподвижно,—сѣрый, холодный твердый камень.

Предупреждаю тебя,—это зловѣща сѣрь. Не вздумай ее зарумянить. Поздно. Наконецъ, замѣтъ, что я совсѣмъ не позавидую человѣку, на шею котораго свалится такой сѣрый, притавившій камень.

Итакъ, ты прочла. Впрочемъ, я не знаю. Прости, ради Бога,—вѣдь, это безсовѣтно—отнимать столько времени на чтеніе письма.

Отдохните, сестра милосердія.

Есть дѣло важнѣе. Вотъ твой младшій братишко просить завести граммофонъ. Пришла кухарка и просить сахара. А вотъ, кажется, звонокъ въ передней. Да, вѣдь, это принесли примѣрить новое платье! Ахъ, какъ все это важно! Міръ, пожалуй, треснетъ, если ты не обратишь вниманія на всѣ эти события. А тутъ вдругъ такое длинное письмо... Бѣгі же скорѣй.

О, сейчасъ я вспомнилъ твои великолѣпныя слова:

